

Данное постановление было первоначально опубликовано на английском языке Европейским судом по правам человека в его базе данных HUDOC (<https://hudoc.echr.coe.int/?i=001-81211>). Данный документ представляет собой неофициальный перевод, автоматически созданный OnlineDocTranslator (<https://www.onlinedoctranslator.com/en/>), и может не отражать оригинальный материал или точку зрения источника. Данный неофициальный перевод загружен Европейским центром защиты прав человека (https://ehrac.org.uk/en_gb/) исключительно в информационных целях.

COUR EUROPÉENNE DES DROITS DE L'HOMME
EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS

ПЕРВЫЙ РАЗДЕЛ

ДЕЛО БИТИЕВОЙ И Х v. РОССИЯ

(Заявки № 57953/00 и 37392/03)

СУЖДЕНИЕ

СТРАСБУРГ

21 июня 2007 г.

ФИНАЛ

30.01.2008

Это решение станет окончательным при обстоятельствах, изложенных в статье 44 § 2 Конвенции. Он может быть подвергнут редакционной правке.

В деле Битиевой и Х v.Россия,

Европейский суд по правам человека (Первая секция), заседающий в качестве Палаты в составе:

Мистер КЛ РОЗАКИС, *президент*,

Мистер Л.Лукаидес,

Миссис Н.Вайич,

Мистер А.Ковлер,

Мистер К.Гаджиев,

Мистер Д.Шпильман,

Мистер ЮВДжебенс, судьи,

и г-н С. Нильсен, секретарь секции,

Совещаюсь за закрытыми дверями 31 мая 2007 г.,

Выносит следующее решение, которое было принято в этот день:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело началось с двух заявлений (№№ 57953/00 и 37392/03) против Российской Федерации поданное в Суд в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод («Конвенция») двумя гражданами России, г-жой Зурой Шараниевной Битиевой и г-жой Х («заявители»), 25 апреля 2000 г. и 21 апреля 2000 г. ноябрь 2003 года соответственно.

2. Интересы заявителей представляли юристы НПО ЕНРАС/Правозащитный центр «Мемориал». Российское правительство («Правительство») представлял его представитель, г-н П. Лаптев, представитель Российской Федерации в Европейском суде по правам человека.

3. Первая заявительница жаловалась по статьям 3 и 5 на жестокое обращение с ней и незаконное задержание в январе и феврале 2000 г. В мае 2003 г. первая заявительница была убита в своем доме неизвестными вооруженными лицами вместе с тремя другими членами ее семьи. Второй заявитель, дочь первого заявителя, выразила желание продолжить жалобу. Она также жаловалась от своего имени в соответствии со статьями 2, 3, 13 и 34 Конвенции на смерть членов ее семьи, отсутствие эффективных средств правовой защиты и нарушение права на индивидуальную жалобу.

4. Палата приняла решение объединить производство по жалобам (Правило 42 § 1 Регламента Суда).

5. Решением от 20 октября 2005 г. Суд признал жалобы приемлемыми.

6. Палата решила после консультации со сторонами, что слушание по существу не требуется (Правило 59 § 3 в конце), стороны ответили в письменной форме на замечания друг друга.

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

7. Первый заявитель родился в 1948 году и проживал в г.деревняизКалиновская,Наурский район,Чечня. Она была убита на21 мая 2003 г.в ее доме вместе с тремя другими членами ее семьи. Второй заявитель является дочерью первого заявителя. Она родилась в 1976 году и в настоящее время проживает в г.Германия, где она искала убежища.

8. Обстоятельства дела частично оспариваются сторонами. В связи с этим Суд просил Правительство представить копии некоторых документов в отношении жалоб заявителей. Представления сторон резюмируются ниже в Части А. Краткое изложение документов, представленных Правительством, изложено в Части В, а краткое изложение других соответствующих документов в Части С ниже.

А. Доводы сторон

1. Содержание первого заявителя под стражей с января по февраль 2000 г.

9. Первый заявитель проживал в г.деревняизКалиновскаяв Наурском районе г.Чечнявместе с мужем Рамзаном Идуревым и детьми Идрисом Идуревым, Я.и Х (второй заявитель).

10. Первый заявитель был активным политическим деятелем в Республике и участвовал в антивоенных протестах. С 1994 по 1996 год работала в Российской общественной организации «Комитет солдатских матерей».

11. Заявители утверждали, что 24 января 2000 г. российские солдаты вошли в дом первого заявителя для проверки паспорта. Первая заявительница и ее сын Идрис Идурев пояснили, что их паспорта были переданы в местные органы власти для продления. Это объяснение, по-видимому, было принято, и солдаты ушли.

12. На25 января 2000 г.примерно в6 утраоколо 20 человек в военной форме, некоторые в масках-балаклавах, вошли в дом. Четверо мужчин, по-видимому, те же самые, что были в доме накануне, заявили, что

проводят проверку паспорта, и приказали первому заявителю, к которому они обратились по имени, пойти с ними в местное отделение милиции, чтобы найти о ее паспорте. Сыну первого заявителя Идрису Идуеву также было приказано уйти.

13. Первую заявительницу и ее сына доставили в Наурский районный временный отдел внутренних дел (ВОВД). Примерно через два часа их перевели в следственный изолятор Чернокозово, где первую заявительницу и ее сына разделили.

14. Первая заявительница утверждала, что по прибытии в Чернокозово ее заставили наблюдать за жестоким обращением с другими заключенными. Около 60 мужчин заставили бежать голыми, со сложенной на руках одеждой, по коридору длиной около 50 метров, пока солдаты их избивали.

15. Первую заявительницу заставили стоять лицом к стене, прижав руки к стене, до вечера. Зал был неотопливаемый, с разбитыми окнами, и было очень холодно. Ей не разрешалось ни сидеть, ни лежать. Вечером ее отвели в камеру.

16. Сотовый нет. № 2, где содержался первый заявитель, был очень маленьким. В ней было четыре металлические кровати и туалет. Там в разное время содержали от трех до десяти женщин, иногда задержанным приходилось спать по очереди. В камере было очень грязно, и вонь из туалета стояла невыносимая. Раз в день задержанным выдавали по четыре литра воды на камеру и одну миску еды на троих в грязной посуде.

17. Во время содержания под стражей первую заявительницу постоянно унижали как женщину и как человека чеченского происхождения. Охранники сказали ей, что она не покинет это место живой, что сойдет с ума или покончит с собой. Заявителя много раз толкали и били прикладами. Однажды, примерно 3 февраля 2000 г., охранники распылили газ в каждую камеру, от чего заключенные закашлялись.

18. Среди других заключенных в камере, по ее словам, были больные и дети. Заявитель был свидетелем того, как охранники избивали и унижали других задержанных. Иногда она могла слышать крики сына, когда его избивали в коридоре перед ее камерой.

19. Первую заявительницу вызывали на допросы примерно четыре раза за время ее пребывания. Допрашивавший ее не называл своего имени и звания и задавал вопросы общего характера. Заявительницу спросили, как ее зовут, откуда она, к какому клану принадлежит, мусульманка ли она и молится ли она. Ей также задавали вопросы о «марше мира» в Москве в котором она участвовала и кто его финансировал.

20. Первому заявителю, страдавшему холециститом и сердечной недостаточностью, во время содержания под стражей было отказано в

профессиональной медицинской помощи. Ее состояние здоровья быстро ухудшалось. Однажды она потеряла сознание в коридоре, и охранники разрешили другим женщинам-заключенным занести ее в камеру только через полчаса.

21. Второй заявитель утверждала, что она приносила еду и лекарства своей матери и брату, содержащимся под стражей в Чернокозово, но до них дошло немного, так как солдаты забрали большую часть.

22. В поддержку доводов первого заявителя об условиях содержания под стражей в Чернокозово заявители представили показания Ш., которая содержалась в одной камере с первым заявителем в январе и феврале 2000 г. Она подтвердила доводы первого заявителя относительно условия содержания под стражей, избития других заключенных и проблемы со здоровьем заявителя.

23. Кроме того, заявители представили сообщения прессы и НПО о ситуации в следственном изоляторе Чернокозово в конце 1999 и начале 2000 годов, в которых описывались невыносимые условия содержания и широко распространенные пытки и жестокое обращение с заключенными, а также соответствующие Документы Совета Европы (см. часть С ниже).

24. В своих замечаниях Правительство утверждало, что первая заявительница и ее сын Идрис Идуев были задержаны 25 января 2000 г. на основании Указа Президента от 2 ноября 1993 г. (№ 1815) о мерах, направленных на предотвращение бродяжничества, и помещены в следственный изолятор. центр приема и идентификации (приемник-распределитель) в Чернокозово, действовавший с ноября 1999 г. по февраль 2000 г. Первая заявительница оставалась там до 17 февраля 2000 г., когда ее личность была установлена и ее перевели в больницу в связи с ухудшением ее здоровья. Правительство представило некоторые документы, относящиеся к задержанию первого заявителя (см. Часть В ниже).

25. Что касается статуса следственного изолятора в Чернокозово, то в декабре 2005 г. власти Российской Федерации утверждали, что до 8 февраля 2000 г. не было документов о правовом статусе учреждения, но что помещения бывшего корпуса строгого режима исправительного учреждения И.С. -36/2 (перемещение бывшего штрафного изолятора исправительной колонии ИС-36/2) использовался как приемно-опознавательный пункт. По утверждению правительства, 8 февраля 2000 года министр юстиции издал приказ о создании следственного изолятора («СИЗО») и о передаче этого учреждения Министерству юстиции Чечни.

26. В то же время Правительство представило копию приказа Министра юстиции от 8 августа 2000 г. (№ 229), которым ответственность за следственный изолятор ИЗ-4/2 в Чернокозово была

передана Министерству юстиции Кабардино-Балкарии в Министерство юстиции Чечня. Учреждение получило обозначение «ИЗ-14/2». Его вместимость была установлена на уровне 150 человек. (В документах, выданных следственным изолятором в 2004 и 2005 годах, он упоминается как «ИЗ-20/2».)

2. Освобождение первого заявителя и последующие события

27. Первая заявительница была переведена в районную больницу в Наурской 17 февраля 2000 г. Согласно показаниям второй заявительницы, ее мать была без сознания, и врачи настаивали на том, чтобы ее доставили в больницу для проведения интенсивной терапии. Первая заявительница утверждала, что в больнице ее охраняли военные еще несколько недель.

28. Первая заявительница утверждала, что в середине марта 2000 г. ее посетил в больнице прокурор Наурского района, который сообщил ей, что с нее сняты обвинения.

29. Первому заявителю была выдана справка начальника Наурского ВОВД от 2 марта 2000 г., в которой указывалось, что «с 25 января по 26 февраля 2000 г. криминальная полиция Наурского ВОВД проводила расследование на основании обвинительных материалов [дело первого заявителя] участие и причастность к незаконным вооруженным формированиям в Чечня. Обвиняющих материалов не обнаружено».

30. Первую заявительницу выписали из больницы 15 марта 2000 г. Вторая заявительница утверждала, что она оставалась очень слабой и еще месяц провела в постели. Она сильно похудела, ее руки и голова дрожали.

31. Сын первого заявителя, Идрис Идуев, был освобожден из Чернокозово 26 февраля 2000 г. Второй заявитель утверждал, что он также подвергался побоям и жестокому обращению во время содержания под стражей. Никаких медицинских документов, подтверждающих это, представлено не было.

32. Ни первому заявителю, ни ее сыну Идрису Идуеву не было предъявлено никаких обвинений в связи с их содержанием под стражей.

33. Правительство утверждало, что первый заявитель был госпитализирован в Наурский Округ Больница 17 февраля 2000 г. с диагнозом «бронхопневмония с обеих сторон и нейроциркуляторная дистония кардиального типа с астматическим синдромом». Ей был проведен ряд сложных обследований, однако никаких травм или следов побоев зафиксировано не было. После освобождения ни первая заявительница, ни ее сын не обращались в прокуратуру с жалобами на предполагаемое жестокое обращение во время содержания под стражей.

34. Правительство далее заявило, что было невозможно идентифицировать лиц, которые работали в центре приема и идентификации в соответствующее время, или получить копии документов ввиду отсутствия каких-либо архивов. По результатам проверки, проведенной прокуратурой Наурского района 27 января 2005 г., было принято решение об отказе в возбуждении уголовного дела. Позже это решение было отменено (см. Часть В ниже).

35. Заявители представили ряд отчетов НПО и СМИ, касающихся ситуации в Чернокозово в рассматриваемое время. В частности, они ссылались на отчет Хьюман Райтс Вотч от октября 2000 г., озаглавленный «Добро пожаловать в ад: произвольные задержания, пытки и вымогательство в Чечня». В отчете был специальный раздел о следственном изоляторе Чернокозово в январе и начале февраля 2000 г., основанный на интервью с бывшими заключенными. В отчете представлена картина систематических злоупотреблений и жестокого обращения с задержанными, усугубляемых ужасными условиями содержания под стражей. Он призвал российские власти провести полное расследование событий в Чернокозово в январе и феврале 2000 г., обеспечить судебное преследование виновных в нарушениях и выплатить компенсацию пострадавшим.

36. 24 марта 2000 г. НПО «Мемориал» обратилась в Генеральную прокуратуру после публикации в журнале «Итоги» о «фильтрационных пунктах» для лиц, которых федеральные власти подозревали в связях с незаконными вооруженными формированиями. В статье и прилагаемых к ней фотографиях описывались суровые условия содержания на фильтровальном пункте в Толстой-Юрте, близ Грозный. Также говорилось о насилии и жестоком обращении в Чернокозово. 24 марта 2000 г. прокуратура Грозненского района ответила «Мемориалу», подтвердив, что со 2 по 12 февраля 2000 г. деревня из Толстой-Юрт. Он заявил, что в указанный период там содержалось под стражей 356 человек. Из них 141 человек привлечен к уголовной ответственности за участие в незаконных вооруженных формированиях, задержан на основании постановления прокурора и переведен в Чернокозовский следственный изолятор (СИЗО). Все остальные были освобождены. Законность их задержания контролировалась соответствующими прокурорами, задержанным были предоставлены спальные места, питание и медицинская помощь.

3. Убийство первого заявителя 21 мая 2003 г.

37. Второй заявитель представила три показания свидетелей событий: ее брата Я. и двое соседей, М. и Г. Согласно этим показаниям, 21 мая 2003 г. первая заявительница, ее муж Рамзан Идуев (отец второй заявительницы), их сын Идрис Идуев (брат второй заявительницы) и брат первой заявительницы Абубакар Битиев (дядя

второго заявителя) провел ночь в доме первого заявителя по адресу: г.ул. Филатова, 7на Калиновской. Другой сын первого заявителя, И., спал в отдельном доме в том же дворе, а его годовалый сын находился в доме с первым заявителем, его бабушкой.

38. Около 3 часов ночи два автомобиля УАЗ-45 без номерных знаков, оснащенные большими антеннами, подъехали к дому по соседству с домом первого заявителя. Несколько мужчин вошли в дом очень тихо, так что хозяин дома Д. не услышал, как они вошли. Они разбудили Д. и заклеили ей кляп скотчем. Тогда они потребовали ее паспорт. Один из них посмотрел на фотографию и сказал остальным по-русски: «Это не она». Затем они ушли, предупредив жителей, чтобы они в течение десяти минут молчали. Паспорт они взяли с собой. Позднее Д. нашел ее паспорт в доме первого заявителя.

39. Группа прибыла в дом первого заявителя около 3:30 утра. Одиннадцать человек вошли в дом первого заявителя; несколько других, вооруженных гранатометами и автоматами, собрались на улице вокруг дома. Все они были высокого роста, хорошо сложены и одеты в камуфляж, который свидетели опознали как форму спецназа. Четверо из них были в масках; на других были черные шлемы, закрывающие шею и уши. Вошедшие в дом мужчины были вооружены автоматами АК-7,62. Через несколько минут сосед услышал шесть или семь звуков приглушенных ударов, которые он сначала принял за стук в ворота. Затем он понял, что это был звук выстрела.

40. Я., сын первого заявителя, показал, что он слышал шум и крик у соседей около 3:30 утра. Он подумал, что, вероятно, это была спецоперация, которая регулярно происходила в деревне. Он очень быстро оделся и выглянул наружу. Он заметил, как несколько человек в камуфляже и «касках спецназа» прыгнули во двор через забор. Свидетель догадался, что они не сразу ворвутся в дом, и отметил, что они сначала заняли боевые позиции около двери. Он ворвался в комнату и накрыл свою кровать одеялом, затем спрятался за кресло. Как только он это сделал, несколько мужчин вбежали в дом и разошлись по комнатам. Один из них сказал «Здесь никого нет», а другой сказал: «Сними видео». Они говорили по-русски и не называли ни имен, ни званий при обращении друг к другу. Через две-три минуты они ушли, забрав видеоплеер. Брат второго заявителя услышал лай собаки и какой-то шум снаружи. Затем он услышал около 10 очень быстрых выстрелов. Минут через пять он услышал, как они кричали «Давай, уезжаем, быстро», а затем звук уезжающих машин.

41. Соседи видели, как два автомобиля УАЗ выехали в сторону главной дороги на Грозный.

42. Я. подождал еще несколько минут и вышел на улицу. Он увидел на улице трех женщин и очень удивился, что его мать не вышла, потому что обычно она была очень активной и вмешивалась, когда

кого-то задерживали в деревне. Он заметил, что дверь родительского дома приоткрыта, и подумал, что всю его семью забрали. Войдя в дом, он увидел, что его мать лежит на полу. Вошла соседка, и он отдал ей своего годовалого сына, который плакал в своей постели, и попросил ее вывести его.

43. Затем он вернулся в комнату и включил свет. Он нашел первую заявительницу лежащей на полу на спине. Ее рот был заклеен липкой лентой, и ее руки были связаны той же лентой. Она была ранена в лицо и в руки. Я. позже насчитали в полу три пулевые пробоины от автомата АК-7,62.

44. Затем он вышел в коридор и обнаружил тело своего дяди Абубакара Битиева. Сосед М. утверждал, что на его голове был черный капюшон с завязками, который использовали военные при задержании людей. Его руки и ноги были связаны скотчем. Ему трижды выстрелили в затылок. Я. показал, что его дядя спал в ту ночь в отдельном доме в том же дворе и что убийцы, должно быть, насильно привели его в дом первого заявителя, потому что мебель в этом доме была разбита.

45. В гостиной они нашли тело мужа первой заявительницы, Рамзана Идуева. Он лежал на полу возле дивана, а его руки и ноги были связаны скотчем. Он был ранен в затылок. Рядом с его телом валялся рулон скотча. В спальне на полу было обнаружено тело сына первого заявителя, Идриса Идуева, со связанными за спиной руками и связанными вместе ногами. Он также получил три выстрела в затылок.

46. Утром жители села узнали, что той же ночью были убиты еще двое мужчин, по-видимому, той же группой. дом А.Г. Улица Октябрьская подвергся налету около 2 часов ночи; его жене, которая открыла дверь, заткнули рот, а ее руки и ноги были связаны лентой. Как только ей удалось освободиться, она нашла тело мужа с пулевыми ранениями в голову. Примерно в 3 часа ночи группа совершила налет на дом П1 ВКооперативная улица. Его жена и мать были связаны липкой лентой, а хозяина дома вывели люди, которых свидетели назвали «военными». Тело Т.И. со связанными перед телом руками лейкопластырем было найдено его родственниками поздно ночью на огороде у дома с четырьмя или пятью пулевыми отверстиями в голове и плече.

4. Расследование убийств

47. Один раз Я. Обнаружив тела, он побежал во двор, крича о помощи. В ответ на его крики подошли соседи, и один из них пошел вызывать местную полицию. Полиция приехала утром, минимум через два часа. Примерно в 11 утра на место происшествия из райцентра Наурская прибыли эксперты, которые сфотографировали тела и забрали гильзы.

48. 21 мая 2003 г. родственники обмыли и похоронили тела. Второй заявитель утверждал, что эксперты не просили их отложить похороны или разрешить вскрытие.

49. Свидетели утверждали, что некоторые жители деревни спрашивали военных на блокпостах вокруг села, кто пришел в ту ночь и почему их пропустили на Калиновскую и обратно. Им, видимо, сказали, что это была военная группа с разрешением на «специальную миссию». Они также утверждали, что аналогичная информация была передана местной полиции, и поэтому они не вмешивались.

50. 21 мая 2003 г. прокуратура Наурского района возбудила уголовное дело № 112. 48023 по статье 105 части 2 (а) и (ж) УК РФ (убийство двух и более лиц при отягчающих обстоятельствах).

51. 26 мая 2003 г. общественная организация «Мемориал» выпустила пресс-релиз под названием «Политическое преступление в Калиновской». Он сообщил об убийстве первой заявительницы и ее семьи и связал это с жалобой первой заявительницы в Европейский суд по правам человека. Он также сослался на незавершенное уголовное дело в отношении брата и сына первого заявителя, Абубакара Битиева и Идриса Идуева, за хранение незаконных наркотиков в некоммерческих целях. В документе сообщалось, что первый заявитель настаивала на том, что судебное разбирательство было сфабриковано в отместку за ее активную позицию в отношении преступлений, совершенных военными, включая запрос о расследовании массового захоронения, обнаруженного в Наурском районе в феврале 2003 года.

52. 31 июля 2003 г. Суд, действуя в соответствии с правилом 40 Регламента Суда, проинформировал Правительство Российской Федерации о жалобе, поданной первой заявительницей, и о ее убийстве и убийстве членов ее семьи на основании информации, полученной от заявителей, представителей.

53. 12 августа 2003 г. «Мемориал» обратился в Генеральную прокуратуру с запросом об убийствах в Калиновской. В октябре 2003 года Генеральная прокуратура ответила, что их письмо было направлено в прокуратуру Чечни.

54. В ноябре 2003 г. вторая заявительница обратилась в прокуратуру Наурского района с ходатайством о признании ее потерпевшей по уголовному делу № 101. 48023. Ответа на это письмо она не получила.

55. Правительство в своих замечаниях представило дополнительную информацию о расследовании убийств. По их словам, 21 мая 2003 г. следователи осмотрели место преступления и собрали улики. Родственники погибших отказались передать тела на судебно-медицинскую экспертизу. В связи с этим заключения судмедэкспертов были составлены на основании медицинских документов. Они

подтвердили наличие огнестрельных ранений, ставших причиной смерти. Также была проведена баллистическая экспертиза.

56. По данным Правительства, 21 мая 2003 г. следствие допросило восемь родственников и соседей убитых. Они также допросили 20 сотрудников правоохранительных органов. В июне 2003 года следствие допросило Я. и брат первого заявителя Б., которые оба были признаны потерпевшими. Дополнительные допросы свидетелей и потерпевших проводились в мае и июле 2005 г. В июле 2003 г. и апреле 2005 г. следствие допросило и признало потерпевшими родственников А.Г. и Т.И. Второй заявитель никогда не обращался в прокуратуру в связи с убийствами членов ее семьи. Таким образом, решение о признании ее потерпевшей было принято только 15 декабря 2005 г., но ей об этом не было сообщено в связи с ее отсутствием по месту жительства.

57. По данным Правительства, следствие установило, что 21 мая 2003 г. между 3:30 и 4:00 группа неизвестных лиц в камуфляжной форме и масках, вооруженных автоматическим оружием, проникла в три дома в с.деревняизКалиновская и убил шесть человек, в том числе первую заявительницу и трех членов ее семьи. Личности преступников не установлены. Причастность спецназа следствием не подтверждено. По информации Объединенной группировки Альянс (ОГВ), 20 и 21 мая 2003 г. военнослужащие ОГВ не участвовали ни в каких операциях в Наурском районе. Следствие ознакомилось с записями в журналах регистрации транспортных средств, принадлежащих воинским частям, дислоцированным в районе, из которых следует, что в ту ночь ни одно транспортное средство не покинуло свои места дислокации. В ФСБ также отрицали, что проводили какие-либо операции в районе.

58. Расследование уголовного дела №. Дело 48023 несколько раз закрывалось и вновь открывалось. Установить лиц, совершивших преступления, не удалось. По запросу Суда Правительство представило ряд документов из материалов уголовного дела №. 48023 (см. ниже).

5. Преследование второго заявителя

59. Вторая заявительница утверждала, что она и ее брат Я. подверглась угрозам и преследованиям со стороны военных и правоохранительных органов после убийства первого заявителя и ее семьи. Она утверждала, что примерно через два месяца после убийств ее брата какое-то время удерживали военные и что во время содержания под стражей он подвергался избиениям и жестокому обращению. Вскоре после этого он уехал без какого-либо уведомления, и у нее не было никакой информации о его местонахождении.

60. Она также утверждала, что в неуказанный день в апреле 2004 г. ее теть (сестра первого заявителя) была в гостях у Грозный сотрудниками Наурской районной прокуратуры, которые сказали ей, что разыскивают второго заявителя. Женщина сказала им, что не знает, где живет второй заявитель, поскольку у последнего не было постоянного адреса. Прокуроры задали тете второго заявителя вопросы о жалобе в Суд, кто подал жалобу и почему прокуратуру не уведомили об этой жалобе. Второй заявитель утверждал, что ее теть не знала о жалобе и ответила, что они никогда не обращались в Суд. Прокуроры просили ее подписать какие-то бумаги, не раскрывая их содержания, или бланки, но она отказалась.

61. Второй заявитель также утверждал, что 17 мая 2004 г., находясь в деревне из Калиновская к ней подошли местный милиционер, сотрудник районной прокуратуры и трое их охранников. Они потребовали от заявительницы предъявить внутренний паспорт и забрали его. Затем ее спросили, знает ли она о статье 222 УК (незаконное хранение оружия), где хранит оружие, чем занимается в Грозном и Калиновской и какова цена оружия. Вторая заявительница ответила, что она не имеет никакого отношения к оружию и что у нее его нет. Второй заявитель утверждал, что, когда они заметили ее родственницу, сотрудника службы безопасности, они вернули ей паспорт, сказали, что «просто хотели поговорить», и ушли.

62. Вторая заявительница утверждала, что ее муж развелся с ней, потому что он и его родственники боялись, что у них могут возникнуть проблемы, связанные с ней. Она чувствовала себя запуганной и боялась за свою безопасность, безопасность и жизнь.

63. 24 июня 2004 г. Суд, действуя в соответствии с Правилем 39 Регламента Суда, просил Правительство Российской Федерации принять все меры для обеспечения того, чтобы не было каких-либо препятствий для эффективного осуществления права второго заявителя на подачу индивидуальной жалобы, предусмотренного Статьей 34 Конвенции. Эта мера была отменена 20 октября 2005 года.

64. Правительство утверждало, что в ответ на жалобу второго заявителя о запугивании Наурская районная прокуратура провела проверку. В ведомстве отказали в возбуждении уголовного дела, но позже это решение было отменено прокуратурой Чечни. По запросу Суда Правительство представило ряд документов, имеющих отношение к этому разбирательству (см. Часть В ниже).

65. Второй заявитель утверждала, что 14 июля и 2 сентября 2004 г. следователи районной прокуратуры допросили ее и получили письменные объяснения относительно предполагаемого запугивания. В июле 2004 г. был проведен допрос в прокуратуре Наурского района, а в сентябре следователь посетил ее, когда она работала в больнице г. Грозный.

66. Второй заявитель представила Суду свои собственные показания и копию «объяснения», полученного 14 июля 2004 г. Она утверждала, что следователь заверил ее, что она будет защищена от дальнейших угроз и что в будущем ее никто не побеспокоит. Заявительница, однако, утверждала, что допрос касался не только случаев домогательств, но и некоторых подробностей ее жалобы в Суд и ее адвоката. Следователь предупредил ее, что она должна предоставить верные сведения, иначе ее могут привлечь к уголовной ответственности за дачу ложных показаний. Второй заявитель утверждала, что допрос был пугающим из-за характера вопросов, потому что она была беременна в то время и должна была заботиться о своем двухлетнем ребенке, а также потому, что ее пожилые родственники, присутствовавших, не обрадовались, узнав, что она обратилась в Страсбург, опасаясь за свою жизнь и безопасность. Заявитель также сослалась на плохую ситуацию с безопасностью в целом, когда любой контакт с представителями правоохранительных органов воспринимался ею и ее семьей как угроза.

В. Документы, представленные Правительством

67. После решения о приемлемости Суд потребовал от Правительства представить копии ряда документов. В частности, правительству было предложено представить документы, касающиеся расследования жалоб первого заявителя на жестокое обращение, документы, определяющие правовой статус следственного изолятора в Чернокозово в соответствующий период, и документы, касающиеся медицинских жалоб и состояния первого заявителя. Суд также просил Правительство представить копию материалов уголовного дела, возбужденного по факту убийства первого заявителя, и документы, относящиеся к расследованию утверждений второго заявителя о домогательствах. В ответ Правительство представило около 100 страниц соответствующих материалов. Правительство заявило, что представление других соответствующих документов невозможно, поскольку они содержат информацию о местонахождении и действиях воинских и специальных подразделений, а также личные данные участников разбирательства. Они ссылались на статью 161 Уголовно-процессуального кодекса (УПК).

68. Соответствующие документы кратко изложены ниже.

1. Документы, касающиеся задержания и освобождения первого заявителя

69. В 2003 году изолятор временного содержания Наурского районного отдела внутренних дел (РОВД) сообщил следователю

районной прокуратуры, что первый заявитель не содержался там с 1 по 31 января 2000 года.

70. В неустановленный день начальник Чернокозовского СИЗО (ИЗ-20/2) сообщил прокурору Чечни, что первая заявительница содержалась там с 25 января 2000 г. по 16 февраля 2000 г. В последний день она была переведена в районную больницу. на Наурской. В письме прокурору также сообщалось, что не сохранилось копий уголовного дела или личного дела первого заявителя, за исключением пропускных карточек. В другом документе, выданном тем же сотрудником в 2003 году, указывалось, что невозможно узнать какие-либо подробности о задержании первого заявителя, поскольку в соответствующее время не велось надлежащих записей. Оно также заявило, что в период с ноября 1999 г. по февраль 2000 г. объект охраняли военнослужащие, командированные из других регионов, и что их невозможно установить. С 8 февраля 2000 года учреждение перешло в ведение Министерства юстиции Кабардино-Балкарии и было укомплектовано его сотрудниками. После августа 2000 года следственный изолятор находился в ведении Министерства юстиции Чечня.

71. В декабре 2005 года Министерство юстиции Чечня вынес справку о том, что не располагает сведениями о работе пункта приема и идентификации в Чернокозово и о том, находился ли он когда-либо в ведении Министерства юстиции Кабардино-Балкарии.

72. Правительство также представило копии журналов регистрации первой заявительницы и ее сына Идриса Идуева. Карточка первого заявителя содержала информацию о ее имени, дате и месте рождения и месте жительства. В нем говорилось, что она прибыла в Чернокозово 25 января и что 16 февраля 2000 г. ее перевели в больницу. Запись об Идрисе Идуеве также содержала личную информацию и указывала, что 26 февраля 2000 г. он был «проверен и освобожден».

73. Правительство представило ряд документов, касающихся обращения с первым заявителем в Округ Больница. Документы, насколько они разборчивы, подтверждают, что 17 февраля 2000 г. первый заявитель был доставлен машиной скорой помощи из «следственного изолятора» в тяжелом состоянии с диагнозом острая бронхопневмония с обеих сторон, сердечная недостаточность, стенокардия, обострение хронического холецистит и пиелонефрит с обеих сторон. В протоколах указано, что первый заявитель заболел около двух недель назад в результате переохлаждения. Лечилась в больнице до 15 марта 2000 года.

74. Из документов, представленных Правительством, также следует, что в январе 2005 г. прокуратура Наурского района провела расследование жестокого обращения с первым заявителем во время содержания под стражей. Расследование было вызвано отчетом

Amnesty International о преследовании правозащитников в Чечня. Документы ссылались на записи, хранящиеся в Чернокозово, согласно которым 6 февраля 2000 г. у первого заявителя был диагностирован и лечился от трахеобронхита и холецистита. Она снова обратилась за медицинской помощью 15 февраля 2000 г., когда ей измерили пульс и кровяное давление. 27 января 2005 г. следователь заявил об отсутствии других протоколов и постановил не возбуждать уголовное дело в связи с отсутствием состава преступления. В декабре 2005 года надзирающий прокурор отменил это постановление и назначил дополнительное расследование.

2. Документы, относящиеся к расследованию убийства первого заявителя.

а) Постановление о возбуждении уголовного дела

75. 21 мая 2003 г. прокурор Наурской районной прокуратуры возбудил уголовное дело по факту убийства А.Г., Т.И., первого заявителя и трех членов ее семьи в г.деревняизКалиновская«неустановленными лицами в камуфляжной форме и масках, вооруженными автоматическим оружием». В приказе упоминались виды применяемого оружия: пистолет ПМ и автоматы Калашникова калибра 7,62 мм и 5,45 мм. Дело зарегистрировано под №. 48023. В тот же день заместитель прокурора г.Чечнясоздать следственную группу в составе 14 сотрудников прокуратуры Наурского района иГрозный, так и от военных прокуратур и МВД.

б) Решения о статусе жертвы

76. 4 июня 2003 г.Я., сын первого заявителя, был признан потерпевшим по делу. 7 июня 2003 г. М.Б., брат первого заявителя, также был признан потерпевшим. В июле 2003 г. родственники Т.И. были признаны потерпевшими по делу. В апреле и июле 2005 г. потерпевшими были признаны родственники А.Г.

77. 15 и 28 декабря 2005 г. следственный орган выдал постановления о признании второго заявителя потерпевшим. Они были отправлены ей по месту жительства в Калиновскую по почте и не были ею скреплены подписью.

с) Постановления прокуратуры

78. Документы, представленные Правительством, включают ряд постановлений прокуратуры о продлении срока расследования, а также об отложении и возобновлении производства по делу. В этих постановлениях упоминаются некоторые следственные действия, такие как запрос информации, заключение судебно-медицинской

экспертизы и дактилоскопической экспертизы, а также протоколы допросов свидетелей и потерпевших. Они также ссылаются на некую «директиву Регионального оперативного штаба» («директива РОШ»). Правительство не представило копии этих документов, и Суду не было предоставлено никаких дополнительных сведений об этих мерах.

79. В период с 21 мая 2003 г. по 9 декабря 2005 г. расследование четыре раза откладывалось из-за невозможности установить виновных. Каждый раз дело возобновлялось надзирающим прокурором на том основании, что следствие не было проведено в полном объеме. Последнее постановление о возобновлении разбирательства датировано 9 декабря 2005 года.

80. Лица, признанные потерпевшими, были проинформированы о решениях о приостановлении и возобновлении расследования.

3. Документы, относящиеся к расследованию жалоб второго заявителя на домогательства.

81. В июле 2004 года следователь прокуратуры Чечни распорядился провести проверку этих утверждений в дополнение к информации, предоставленной представителем Российской Федерации в суде.

82. Следователи допросили второго заявителя, участкового милиционера, сотрудника районной прокуратуры, охранников и родственников второго заявителя. Они подтвердили, что в мае 2004 г. в Калиновской проходила проверка паспорта, во время которой второй заявительнице задавали вопросы о наличии в ее доме незаконных предметов, в том числе оружия. Свидетели заявили, что второй заявитель не подвергался угрозам или давлению. Документы также подтверждают, что после того, как прокуратуре было дано указание расследовать жалобу о домогательствах, ряд вопросов, заданных второй заявительнице и ее родственникам, касался ее заявления в Суд. Второй заявитель заявила, что после обращения в Суд она не получала никаких угроз.

83. В период с июля 2004 г. по 15 декабря 2005 г. было издано четыре постановления об отказе в возбуждении уголовного дела по жалобам второго заявителя на домогательства, каждый раз отменявшиеся надзирающим прокурором. Последний документ, выданный 15 декабря 2005 г. заместителем прокурора Чечни приказал следователям этого отдела провести дополнительную проверку и допросить адвоката второго заявителя об обстоятельствах дела.

С. Соответствующий совет Европа отчеты

84. Следственный изолятор в Чернокозово, где содержался первый заявитель, привлек пристальное внимание различных правозащитных организаций, в том числе Европейского комитета по предотвращению

пытках (ЕКПП), после заявлений о жестоком обращении с задержанными. 4 марта 2000 г. глава делегации ЕКПП г-н Хайек сделал заявление российским официальным лицам по завершении визита в Северо-Кавказский регион Российской Федерации. В заявлении, в частности, в отношении визита в Чернокозово говорилось:

«... информация, собранная делегацией, убедительно свидетельствует о том, что многие лица, содержащиеся в Чернокозово, подвергались физическому жестокому обращению в учреждении в период с декабря 1999 года по начало февраля 2000 года. число лиц, содержащихся в Чернокозово в этот период. Выявилась четкая картина жестокого физического обращения с заключенными со стороны сотрудников мест лишения свободы. Предполагаемое жестокое обращение состояло в основном из ударов ногами, кулаками и дубинками по различным частям тела (за исключением лица). Утверждается, что жестокое обращение применялось главным образом в центральном коридоре следственного изолятора. обычно, когда заключенных доставляли в комнату следователя для допроса или возвращали в камеры после такого допроса; судя по всему, заключенные также иногда подвергались физическому насилию в комнатах для следователей. Утверждается, что следователи были полностью осведомлены о жестоком обращении, и некоторые заключенные утверждали, что оно применялось по их наущению. В некоторых случаях делегация собрала медицинские доказательства, которые согласуются с утверждениями о жестоком обращении со стороны соответствующих заключенных».

85. На 10 июля 2001 г. ЕКПП выступил с публичным заявлением относительно Чеченской Республики, в соответствии со статьей 10 § 2 Европейской конвенции по предотвращению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания. Этот шаг был вызван отказом российских властей сотрудничать с ЕКПП по двум вопросам: (i) проведение тщательного и независимого расследования событий в следственном изоляторе в Чернокозово в период с декабря 1999 г. февраль 2000 г.; и (ii) действия, предпринятые для выявления и судебного преследования случаев жестокого обращения с лицами, лишенными свободы в Чеченской Республике в ходе текущего конфликта. В заявлении, в частности, говорилось:

"Я. Информация, собранная ЕКПП во время его визитов в Северо-Кавказский регион в конце февраля/начале марта и в апреле 2000 г., убедительно свидетельствует о том, что в период с декабря 1999 г. по начало февраля 2000 г. многие лица подвергались физическому жестокому обращению в следственном изоляторе в Чернокозово. С начала марта 2000 г. ЕКПП призывает российские власти провести тщательное и независимое расследование событий в этом следственном изоляторе в этот период. На сегодняшний день расследование, запрошенное ЕКПП, не проводилось, и теперь российские власти ясно дали понять, что не намерены организовывать такое расследование.

Бесспорным фактом является то, что следственный изолятор действовал в Чернокозово в период с декабря 1999 г. по начало февраля 2000 г., до официального создания в этом поселке следственного изолятора (СИЗО № 2) приказом Министерства юстиции от 8 февраля 2000 г. Делегация ЕКПП

опросила многих лиц, заявивших, что в этот период они содержались в следственном изоляторе в Чернокозово. Многочисленные российские должностные лица (прокуроры, следователи, сотрудники СИЗО), с которыми встретилась делегация, подтвердили, что учреждение, обозначенное с 8 февраля 2000 г. 2 до этой даты использовался в качестве следственного изолятора. ЕКПП располагает копией медицинского журнала учреждения за период с 8 ноября 1999 г. по 12 февраля 2000 г. в котором день за днем фиксировалось прибытие задержанных (и любые нанесенные им телесные повреждения); сотрудники, заполнившие этот журнал, называли это учреждение сначала «ИВС» (изолятором временного содержания), а на более позднем этапе — «пунктом временного приема и распределения». Российские власти сами в более ранней переписке предоставили ЕКПП письменные заявления, подписанные офицерами, свидетельствующие о том, что они работали в следственном изоляторе в период с декабря 1999 г. по начало февраля 2000 г., а также письменные заявления, подписанные лицами, которые удостоверили, что в этот период они проводились в Чернокозово.

Утверждение российских властей о том, что в рассматриваемый период властями в Чернокозово не было создано ни одного места содержания под стражей (и что, в результате, запрошенное расследование не имеет смысла), является явно несостоятельным и представляет собой отказ от сотрудничества с КПП».

86. На 10 июля 2003 г. ЕКПП опубликовал второе публичное заявление в отношении Чечни. Оно было вызвано утверждениями о продолжающемся применении пыток и других форм жестокого обращения со стороны сотрудников правоохранительных органов и федеральных сил, действующих в Чеченской Республике. Он также охарактеризовал действия, предпринятые для привлечения к ответственности виновных в жестоком обращении, как медленные и в конечном итоге неэффективные.

II. ПРИМЕНИМОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

87. Указ Президента №. № 1815 от 2 ноября 1993 г. «О мерах по предупреждению бродяжничества и попрошайничества». ¹предусматривала реорганизацию системы «приемно-распределительных пунктов» для лиц, задержанных органами МВД за бродяжничество и попрошайничество, в центры социальной реабилитации таких лиц. В соответствии с Указом лица могли помещаться в такие центры по постановлению прокурора на срок до десяти суток.

88. Статья 161 Уголовно-процессуального кодекса (УПК) запрещает разглашение сведений из материалов предварительного следствия. В соответствии с частью 3 статьи разглашение сведений из материалов уголовного дела допускается только с разрешения прокурора или

¹Отменено в феврале 2004 г.

следователя и только в той мере, в какой это не ущемляет права и законные интересы участников уголовного процесса и не наносит ущерба расследованию. . Разглашение сведений о частной жизни участников уголовного судопроизводства без их разрешения запрещается.

ЗАКОН

I. ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ ВОЗРАЖЕНИЕ ПРАВИТЕЛЬСТВА ОТНОСИТЕЛЬНО ИСЧЕРПАНИЯ ВНУТРЕННИХ СРЕДСТВ ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ

89. В своих объяснениях после решения Суда о приемлемости жалобы Правительство заявило, что расследование жалоб заявителей продолжается и что жалобы должны быть отклонены в связи с неисчерпанием внутренних средств правовой защиты.

90. Суд повторяет, что в соответствии с Правилем 55 Регламента Суда любое заявление о неприемлемости должно быть сделано Договаривающейся стороной-ответчиком в ее письменных или устных замечаниях относительно приемлемости жалобы (см. К. и Т. против Финляндии [БП], № 25702/94, § 145, ECHR 2001-VII, и NC против Италии [БП], № 24952/94, § 44, ECHR 2002-X). Однако в своих замечаниях относительно приемлемости жалобы власти Российской Федерации формально не поднимали этот вопрос. Кроме того, Суд не может усмотреть каких-либо исключительных обстоятельств, которые могли бы освободить Правительство от обязанности выдвигать предварительное возражение до принятия Палатой решения о приемлемости от 20 октября 2005 г. (см. Прокопович против России, № 58255/00, § 29). , 18 ноября 2004 г.).

91. Следовательно, на данном этапе разбирательства Правительство лишено права выдвигать предварительное возражение в отношении неиспользования соответствующего внутреннего средства правовой защиты (см., с соответствующими изменениями, Браччи против Италии, № 36822/02, §§ 35-37, 13 октября 2005). Отсюда следует, что предварительное возражение Правительства должно быть отклонено.

II. ЖАЛОБЫ, ПОДАННЫЕ ПЕРВЫМ ЗАЯВИТЕЛЕМ

A. Место стоянки

92. Первый заявитель жаловалась на то, что ее содержание под стражей в январе и феврале 2000 г. было незаконным и что во время содержания под стражей она подвергалась бесчеловечному и унижающему достоинство обращению и пыткам. Первая заявительница была убита 21 мая 2003 г. после подачи жалобы в соответствии со статьей 34 Конвенции. Суд отмечает, что в различных делах, в которых заявитель умер в ходе разбирательства в соответствии с Конвенцией, он принимал во внимание показания наследников заявителя или близких членов семьи, выражающих желание подать жалобу (см., среди прочего, Калло против Венгрии, № 30081/02, § 24, 11 апреля 2006 г.). Суд считает, что второй заявитель, дочь первого заявителя, заявившая о своем намерении продолжить разбирательство, имеет законный интерес в получении вывода о том, что имело место нарушение прав первого заявителя, гарантированных статьями 3 и 5 Конвенции (см., *mutatis mutandis*, Далбан против Румынии [БП], № 28114/95, §§ 1 и 39, ЕСПЧ 1999-VI). Соответственно, Суд находит, что второй заявитель, как наследник первого заявителя, имеет право продолжать это разбирательство.

B. Предполагаемое нарушение статьи 3 Конвенции

93. Первая заявительница жаловалась на то, что она подвергалась бесчеловечному и унижающему достоинство обращению и пыткам в нарушение статьи 3 Конвенции. Она также жаловалась на то, что соответствующие органы не провели эффективного расследования утверждений о жестоком обращении в Чернокозово в течение соответствующего периода. Статья 3 гласит:

«Никто не может быть подвергнут пыткам или бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию».

1. Доводы сторон

94. Первый заявитель жаловалась на жестокое обращение с ней и плохие условия содержания под стражей, в результате чего ее здоровье значительно ухудшилось. Она утверждала, что Правительство располагало достаточной информацией о ситуации в Чернокозово, но не провело расследование. Она сослалась на свою медицинскую карту и на сообщения, в которых говорилось о широко распространенном

жестоким обращении с заключенными и невыносимых условиях содержания.

95. Правительство заявило, что после освобождения первая заявительница и ее сын не жаловались на предполагаемое жестокое обращение с ними. Первый заявитель получал медицинскую помощь во время содержания под стражей. Медицинские документы, составленные при освобождении первого заявителя, не содержали упоминаний о телесных повреждениях. В 2005 году прокуратура провела проверку по ее жалобам, но не смогла найти никаких доказательств, требующих возбуждения уголовного дела. В декабре 2005 года ожидалось дополнительное расследование.

2. Оценка Суда

а) Что касается жестокого обращения

96. В настоящем деле стороны разошлись во мнениях относительно условий содержания первого заявителя под стражей и ее утверждений о жестоком обращении. Следовательно, Суд начнет рассмотрение жалоб по статье 3 с установления фактов.

97. При оценке доказательств Суд обычно применял стандарт доказывания «вне разумных сомнений» (см. Ирландия против Соединенного Королевства, решение от 18 января 1978 г., Серия А, т. 25, стр. 64–65, § 161). Однако доказательство может следовать из существования достаточно сильных, ясных и согласованных выводов или подобных неопровергнутых презумпций факта. В тех случаях, когда рассматриваемые события полностью или в значительной степени находятся в исключительном ведении властей, как в случае с лицами, находящимися под их контролем, в заключении, возникают сильные презумпции факта в отношении травм, полученных во время такого задержания. Действительно, можно считать, что бремя доказывания возлагается на власти, которые должны предоставить удовлетворительное и убедительное объяснение (см. Рибич против Австрии, постановление от 4 декабря 1995 г., Серия А, т. 336, стр. 25-26, § 34, и Салман против Турции [БП], нет. 21986/93, § 100, ЕСПЧ 2000-VII). В отсутствие такого объяснения Суд может сделать выводы, которые могут оказаться неблагоприятными для государства-ответчика (см. *Турция*, нет. 25656/94, § 274, 18 июня 2002 г.).

98. В настоящем деле первая заявительница утверждала, что она подвергалась жестокому обращению, что условия ее содержания под стражей были равносильны бесчеловечному и унижающему достоинство обращению и что ей не была оказана надлежащая медицинская помощь, что вызвало серьезное ухудшение ее здоровья. . В поддержку своих утверждений она представила собственное

изложение фактов вместе с показаниями другого задержанного и второго заявителя, подтверждающими медицинские проблемы первого заявителя, и сослалась на общедоступную информацию об условиях содержания в следственном изоляторе Чернокозово в следственном изоляторе. соответствующее время. Правительство представило ряд медицинских документов, составленных после освобождения первой заявительницы из Чернокозово, которые подтверждали, что она была помещена в больницу в тяжелом состоянии и что она страдала от нескольких серьезных респираторных, сердечных и воспалительных заболеваний. Правительство утверждало, что дальнейшее расследование жалобы невозможно из-за отсутствия записей и смены персонала в следственном изоляторе.

99. Принимая во внимание особые обстоятельства настоящего дела, Суд начнет с рассмотрения жалоб первой заявительницы на ухудшение ее здоровья и медицинскую помощь, которую она получала во время содержания под стражей. Из документов, рассмотренных Судом, следует, что 17 февраля 2000 г. первый заявитель был госпитализирован в тяжелом состоянии с диагнозом острая бронхопневмония с обеих сторон, сердечная недостаточность, стенокардия, обострения хронического холецистита и пиелонефрита с обеих сторон (см. пункт 73). выше). Хотя ее болезни могут быть частично объяснены ее историей болезни в прошлом, резкое ухудшение состояния ее здоровья в следственном изоляторе вызывает сомнения в адекватности доступного там медицинского лечения (см. Фарбтухс против Латвии, № 4672/02, § 57, 2 декабря 2004 г.).

100. Кроме того, Суд отмечает, что Правительство сослалось на медицинскую карту, хранящуюся в Чернокозово, согласно которой заявитель дважды обращался за медицинской помощью (см. пункт 74 выше). Правительство не представило копии этого протокола в Суд, но, в любом случае, оно ссылалось только на диагностированные заболевания, а не на способ лечения. Оно не объясняет, почему запись от 15 февраля 2000 г. содержала только ссылку на частоту пульса и кровяное давление заявителя, тогда как двумя днями позже в Округ Больницау нее был диагностирован ряд серьезных респираторных и сердечных заболеваний, требующих срочного лечения.

101. Суд отмечает утверждения первого заявителя об отсутствии отопления, перенаселенности и плохом питании, которые не оспаривались властями Российской Федерации. Выводы ЕКПЧ в отношении ситуации в Чернокозово в соответствующее время обеспечивают, по крайней мере, до некоторой степени, надежную основу для оценки условий, в которых находился первый заявитель (см. другой пример рассмотрения Судом учитывать отчеты ЕКПЧ, Кехайов против Болгарии, № 41035/98, § 66, 18 января 2005 г.). Он признает, что условия, описанные первым заявителем, неизбежно

способствовали ухудшению ее здоровья, в частности, в отношении респираторных и сердечных заболеваний.

102. Таким образом, Суд удовлетворен тем, что рассмотренная им информация подтверждает утверждение первой заявительницы о резком ухудшении ее здоровья в следственном изоляторе, что должно быть, по крайней мере, частично связано с условиями ее содержания под стражей и отсутствием медицинской помощи. В этих обстоятельствах Правительство было обязано их опровергнуть. Однако Правительство не смогло предоставить какие-либо документы, касающиеся задержания первого заявителя, или объяснить, какое лечение ей применялось, или предоставить какие-либо подробности такого лечения (см. *Молдова*, нет. 35207/03, § 86, 13 сентября 2005 г.).

103. Затем Суд приступит к рассмотрению того, свидетельствуют ли эти факты о нарушении статьи 3 Конвенции, которая закрепляет одну из самых фундаментальных ценностей демократического общества. Он полностью запрещает пытки или бесчеловечное или унижающее достоинство обращение или наказание, независимо от обстоятельств и поведения жертвы (см., например, *Лабита против Италии* [БП], № 26772/95, § 119, ECHR 2000-IV).

104. Чтобы подпадать под действие статьи 3, жестокое обращение должно достигать минимального уровня жестокости. Оценка этого минимума относительна; это зависит от всех обстоятельств дела, таких как продолжительность лечения, его физические и психические последствия и, в некоторых случаях, пол, возраст и состояние здоровья жертвы (см. *Соединенное Королевство*, упомянутое выше, стр. 65, § 162).

105. Государство должно обеспечить, чтобы лицо содержалось под стражей в условиях, совместимых с уважением его человеческого достоинства, чтобы способ и метод исполнения меры не подвергали его страданиям или лишениям, интенсивность которых превышает неизбежный уровень страданий, присущих в заключении и что, учитывая практические требования тюремного заключения, его здоровье и благополучие должным образом обеспечены, среди прочего, путем предоставления ему необходимой медицинской помощи (см. *Польша* [ГК], нет. 30210/96, § 94, ECHR 2000XI). При оценке условий содержания под стражей необходимо учитывать совокупное влияние этих условий и продолжительность содержания под стражей (см. *Dougoz против Греции*, № 40907/98, § 46, ECHR 2001-II, и *Kalashnikov v. Россия*, нет. 47095/99, § 102, ЕСПЧ 2002-VI).

106. Возвращаясь к настоящему делу, Суд принимает к сведению доказательства, свидетельствующие о серьезном ухудшении здоровья первой заявительницы во время ее содержания под стражей. Он также считает установленным, что первой заявительнице не была оказана необходимая медицинская помощь во время ее содержания под

стражей. Первая заявительница явно страдала от физических последствий своего состояния здоровья, и эти страдания усугублялись плохими гигиеническими и жилищными условиями заключенных, а также ненадлежащим уровнем медицинской помощи. Суд рассмотрит вопросы, касающиеся законности содержания под стражей первого заявителя в контексте жалоб, поданных в соответствии со статьей 5 ниже; однако он отмечает, что в соответствующее время правовой статус центра содержания под стражей не был четко определен.

107. Принимая во внимание возраст первой заявительницы, ее общее состояние здоровья, продолжительность и условия ее содержания под стражей и особое влияние, которое это имело на нее, Суд считает, что ухудшение ее здоровья, усугубляемое плохими условиями содержания под стражей и отсутствием надлежащей медицинской помощи, повлек за собой уровень страданий, который приравнивается к бесчеловечному и унижающему достоинство обращению, противоречащему статье 3 Конвенции.

(b) Что касается эффективного расследования жестокого обращения

108. Первый заявитель утверждал, что власти были хорошо осведомлены о плохих условиях содержания под стражей и широко распространенном жестоком обращении в следственном изоляторе Чернокозово в соответствующее время и должны были принять упреждающие меры для расследования этих утверждений. Правительство утверждало, что первая заявительница не подавала никаких жалоб на жестокое обращение после ее освобождения. В любом случае в ходе прокурорской проверки в 2005 году не было получено никакой информации, требующей возбуждения уголовного дела.

109. Суд отмечает, что на основании информации, представленной сторонами, он установил нарушение статьи 3 в связи с состоянием здоровья первой заявительницы и отсутствием ей медицинской помощи во время содержания под стражей. Правовая ситуация в следственном изоляторе рассматривается ниже в разделе, посвященном статье 5. Ввиду этого Суд не находит, что отдельное рассмотрение необходимо в соответствии с процессуальным разделом статьи 3.

С. Предполагаемое нарушение статьи 5 Конвенции

110. Первая заявительница утверждала, что ее содержание под стражей с января по февраль 2000 г. было незаконным и не соответствовало соответствующим гарантиям статьи 5 Конвенции, которая гласит:

«1. Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Никто не может быть лишен свободы иначе как в следующих случаях и в порядке, установленном законом:

(а) законное задержание лица после вынесения обвинительного приговора компетентным судом;

(b) законный арест или задержание лица за невыполнение законного постановления суда или в целях обеспечения выполнения любого обязательства, установленного законом;

(c) законный арест или задержание лица, осуществляемые с целью доставить его к компетентному судебному органу по обоснованному подозрению в совершении преступления или когда разумно считать необходимым предотвратить его совершение преступления или бегство после совершения преступления ;

(d) задержание несовершеннолетнего в законном порядке с целью воспитательного надзора или его законное задержание с целью доставить его к компетентному судебному органу;

д) законное задержание лиц в целях предупреждения распространения инфекционных заболеваний, душевнобольных, алкоголиков или наркоманов или бродяг;

(f) законный арест или задержание лица с целью предотвращения его несанкционированного въезда в страну или лица, в отношении которого предпринимаются действия с целью депортации или экстрадиции.

2. Каждому арестованному незамедлительно сообщаются на понятном ему языке причины его ареста и любое предъявленное ему обвинение.

3. Каждый арестованный или задержанный в соответствии с положениями пункта 1(c) настоящей статьи должен быть незамедлительно доставлен к судье или другому должностному лицу, уполномоченному законом осуществлять судебную власть, и имеет право на судебное разбирательство в разумный срок или на освобождение. в ожидании суда. Освобождение может быть обусловлено гарантиями явки в суд.

4. Каждый, кто лишен свободы в результате ареста или задержания, имеет право возбудить дело, в ходе которого суд безотлагательно решает законность его задержания и выносит постановление о его освобождении, если задержание незаконно.

5. Каждый, кто стал жертвой ареста или содержания под стражей в нарушение положений настоящей статьи, имеет право на компенсацию».

1. Доводы сторон

111. Что касается законности ее задержания, первая заявительница отвергла утверждение властей Российской Федерации о том, что она была задержана с целью борьбы с бродяжничеством. Она подчеркнула,

что она была взята под стражу из собственного дома, что ее имя и род занятий были известны властям, что срок ее содержания под стражей превышал максимальный десятидневный срок, разрешенный Указом, и, что особенно важно, что документ, выданный ей 2 марта 2000 г. Наурским ВОВД, конкретно касался проверки ее участия в незаконных вооруженных формированиях. По ее мнению, Правительство не указало правовой статус следственного изолятора в Чернокозово, и такое содержание под стражей не может считаться совместимым с положениями статьи 5.

112. Правительство утверждало, что задержание первого заявителя было законным и основывалось на положениях Указа Президента, направленного на борьбу с бродяжничеством. Они сослались на имеющуюся информацию о состоянии следственного изолятора в Чернокозово, из которой следует, что все записи, относящиеся к рассматриваемому периоду, были уничтожены и что невозможно установить орган, ответственный за следственный изолятор или для установления личности военнослужащих, охранявших его до 8 февраля 2000 г. После этой даты следственный изолятор функционировал как следственный изолятор.

2. Оценка Суда

113. Суд подчеркивает фундаментальную важность гарантий, содержащихся в статье 5, для обеспечения прав людей в демократическом обществе на свободу от произвольного задержания властями. В этой связи он подчеркнул, что любое лишение свободы должно осуществляться не только в соответствии с материальными и процессуальными нормами национального законодательства, но и в равной степени соответствовать самой цели статьи 5, а именно защите лица от произвольного задержания. . Чтобы свести к минимуму риск произвольного задержания, статья 5 предоставляет свод основных прав, направленных на то, чтобы акт лишения свободы подлежал независимой судебной проверке, и обеспечивает ответственность властей за эту меру.

114. Ввиду ссылки Правительства на содержание заявителя под стражей в соответствии с правовыми рамками, касающимися предотвращения бродяжничества, Суд сначала приступит к рассмотрению того, можно ли считать задержание первого заявителя подпадающим под действие статьи 5 § 1 (е).

115. Стороны не оспаривают тот факт, что первая заявительница была задержана из своего дома 25 января 2000 г. и освобождена 17 февраля 2000 г. Таким образом, она находилась под стражей в течение 24 дней. Суд отмечает, что Постановление №. № 1815 разрешал помещать задержанных за бродяжничество и попрошайничество в приемные приемники по постановлению прокурора на срок до десяти

дней. Даже если предположить, что Постановление могло быть применено в настоящем деле и что содержание под стражей, таким образом, подпадало под действие пункта 1 (е) статьи 5, Правительство никогда не утверждало, что существовал ордер прокурора на задержание первого заявителя. , или объяснил, почему она была задержана на срок, превышающий десять дней. В материалах, рассмотренных Судом, ссылки на такие документы отсутствуют. Таким образом,

116. Далее Суд отмечает, что в документе, выданном первой заявительнице 2 марта 2000 г. начальником Наурского отдела внутренних дел, указывалось, что в период с 25 января по 26 февраля 2000 г. ее предполагаемое участие в незаконных вооруженных формированиях расследовалось. Из этого документа следует, что настоящей причиной задержания первой заявительницы было подозрение в совершении ею преступного деяния. Однако представляется, что внутригосударственные процессуальные требования, касающиеся содержания под стражей подозреваемых в совершении уголовных преступлений, были полностью проигнорированы. Заявительнице не было предъявлено никаких обвинений, компетентный орган не принимал решения о ее задержании или освобождении, а ее содержание под стражей формально не было связано с каким-либо уголовным расследованием. Она не воспользовалась процессуальными гарантиями, применимыми к лицам, лишенным свободы.

117. Кроме того, представляется, что правовой статус следственного изолятора в Чернокозово, где первый заявитель содержался под стражей в период с 25 января по 17 февраля 2000 г., был прояснен в лучшем случае только после 8 февраля 2000 г., когда, как утверждали власти Российской Федерации, передан в Министерство юстиции Чеченской Республика (см. пункт 25 выше). Суд отмечает ряд документов, которые противоречат даже этому утверждению: Постановлением Министерства юстиции от 8 августа 2000 г. предписывается передать следственный изолятор из состава Министерства юстиции Кабардино-Балкарской Республики в Чеченской Республике (см. пункт 26 выше), но в 2005 году прокуратуре не удалось получить какую-либо информацию о предполагаемой привязке центра к Министерству юстиции Кабардино-Балкарской Республики до 8 августа 2000 года или установить личности которые служили там охранниками (см. пункты 70-71 выше).

118. Суд также отмечает в этой связи упомянутые выше документы ЕКПП, в частности публичное заявление от 10 июля 2001 г., в котором говорится об отсутствии четкого правового статуса следственного изолятора в Чернокозово до 8 февраля 2000 г. и содержится призыв к российским властям провести тщательное и независимое

расследование этого дела. Суд считает немыслимым, чтобы в правовом государстве лицо могло быть лишено свободы в следственном изоляторе, в отношении которого в течение значительного периода времени компетентное государственное учреждение не осуществляло никаких полномочий. Такая ситуация способствует безнаказанности разного рода злоупотреблений и абсолютно несовместима с обязанностью властей нести ответственность за подконтрольных им лиц. После доведения до сведения компетентных органов, это должно было привести к принятию срочных и всеобъемлющих мер для выявления и привлечения к ответственности виновных, возмещения ущерба жертвам и обеспечения того, чтобы такая ситуация не возникала в будущем. Суд поражен тем фактом, что таких действий не было.

119. Подводя итог, Суд находит, что содержание первого заявителя под стражей в период с 25 января по 17 февраля 2000 г. было произвольным и противоречило основным аспектам верховенства права, в нарушение положений статьи 5 Конвенции.

III. ЖАЛОБЫ, ПОДАННЫЕ ВТОРЫМ ЗАЯВИТЕЛЕМ

A. Оценка Судом доказательств и установление фактов

1. Доводы сторон

120. Вторая заявительница утверждала, что ее мать и трое других родственников были лишены жизни государственными военнослужащими. Она сослалась на свидетельские показания, согласно которым преступники были одеты в камуфляжную форму, говорили по-русски и передвигались на военной технике через блокпосты в часы комендантского часа. Она также отметила, что правительство не представило каких-либо доказательств эффективного расследования убийств или не обосновало вывод о том, что государственные органы не несут ответственности за убийства.

121. Правительство утверждало, что обстоятельства убийства первого заявителя и пяти других лиц в деревне из Калиновская 21 мая 2003 г. не были выяснены. Следствие не нашло доказательств причастности силовиков к преступлению. Они сослались на информацию, полученную следствием, согласно которой военнослужащие ОГВ не принимали участия в спецоперациях в районе на указанную дату и что автомобили воинских частей, дислоцированных в районе, в этот день не использовались. ночь (см. пункт 57 выше).

2. Статья 38 § 1 (а) и последующие выводы, сделанные Судом

122. Статья 38 § 1 (а) гласит:

«1. Если Суд объявляет жалобу приемлемой, он

а) продолжить рассмотрение дела вместе с представителями сторон и, если потребуется, провести расследование, для эффективного проведения которого заинтересованные государства предоставят все необходимые возможности. »

Прежде чем приступить к оценке доказательств, Суд повторяет, что для эффективного функционирования системы индивидуальных жалоб, учрежденной в соответствии со статьей 34 Конвенции, крайне важно, чтобы государства предоставили все необходимые возможности для надлежащего и эффективного рассмотрения дела. заявления (см. *Tanrikulu против Турции [GC]*, № 23763/94, § 70, ECHR 1999–IV). Судебным разбирательствам по делам такого рода, когда отдельный заявитель обвиняет представителей государства в нарушении его прав в соответствии с Конвенцией, присуще то, что в некоторых случаях только государство-ответчик имеет доступ к информации, способной подтвердить или опровергнуть эти утверждения.

123. Что касается внутреннего расследования убийства первого заявителя, Суд отмечает, что 20 октября 2005 г. Правительство получило запрос на предоставление всех материалов расследования. В ответ Правительство представило ряд документов из дела и краткое изложение следственных действий (см. пункты 55-58 и 75-80 выше).

124. Суд отмечает, что документы, представленные Правительством, очевидно, составляют лишь небольшую часть материалов расследования. Например, они не включают какие-либо из многочисленных свидетельских показаний, в том числе сделанных И., другими родственниками второго заявителя, семьями других потерпевших и военнослужащими, выводами судебно-медицинских и баллистических экспертиз, места преступления, запросы информации и ответы, касающиеся предполагаемого участия сил безопасности или вооруженных сил в убийствах. Правительство утверждало, что их разглашение невозможно, поскольку они содержали информацию о местонахождении и действиях воинских и специальных подразделений, а также личные данные участников разбирательства, и ссылалось на статью 161 УПК (см. пункт 67 выше).

125. Суд отмечает в этой связи, что Правительство не добивалось применения Правила 33 § 2 Регламента Суда, которое допускает ограничение принципа публичного характера документов, переданных на хранение Суду в законных целях, таких как защита национальной безопасности и частной жизни сторон, а также интересов правосудия. Он также отмечает, что в ряде случаев было установлено, что положения статьи 161 УПК не могут рассматриваться как

препятствующие раскрытию документов из дела, находящегося в стадии расследования (см., например, Михеев против России, № 77617/ 01, § 104, 26 января 2006 г.). По этим причинам Суд считает объяснения властей Российской Федерации недостаточными для оправдания сокрытия жизненно важной информации, запрошенной Судом.

126. Соответственно, Суд находит, что он может сделать выводы из поведения Правительства. Кроме того, и ссылаясь на важность сотрудничества правительства-ответчика в разбирательстве по Конвенции (см. пункт 122 выше), Суд находит, что правительство не выполнило своих обязательств в соответствии со статьей 38 § 1 (а) Конвенции по предоставлению всех необходимых условий. перед судом в его задаче по установлению фактов.

3. Оценка Судом фактов

127. Вторая заявительница утверждала, что ее мать (первая заявительница), отец, брат и дядя были незаконно убиты представителями государства 21 мая 2003 г.

128. Правительство отрицало какую-либо причастность государства к убийствам и утверждало, что следствие не смогло установить виновных.

129. Суд будет ссылаться на ряд принципов, которые были разработаны в его прецедентном праве, когда он сталкивается с задачей установления фактов, с которыми стороны не согласны (см. пункт 97 выше). В этом контексте необходимо принимать во внимание поведение сторон при получении доказательств (см. *Ирландия против Великобритании*, упомянутое выше, стр. 64-65, § 161).

130. Суд учитывает вспомогательный характер своей роли и признает, что он должен проявлять осторожность, беря на себя роль суда по рассмотрению фактов первой инстанции, если это не становится неизбежным в силу обстоятельств конкретного дела (см., например, , МакКерр против Соединенного Королевства (реш.), № 28883/95, 4 апреля 2000 г.). Тем не менее, в свете важности защиты, предоставляемой статьей 2, Суд должен подвергнуть лишение жизни самому тщательному анализу, принимая во внимание не только действия представителей государства, но и все сопутствующие обстоятельства (см. Турция, № 25657/94, § 391, ECHR 2001-VII).

131. Суд уже отметил непредоставление Правительством соответствующих документов из материалов уголовного дела, касающихся обстоятельств убийства первого заявителя, таких как показания, полученные от очевидцев событий, родственников жертв и военнослужащих. правоохранительных органов и другие соответствующие документы (см. пункт 126 выше). По мнению Суда,

эти документы имели решающее значение для проверки достоверности утверждений заявителя о причастности государственных служащих к убийствам (см. *Турция*, нет. 27244/95, §§ 48 и 163, 9 мая 2003 г.).

132. Суд также отметил трудности для заявителей с получением необходимых доказательств в поддержку утверждений в случаях, когда государство-ответчик располагало соответствующей документацией и не представило ее. Если заявитель рассматривает дело *prima facie*, а Суд не может прийти к фактическим выводам из-за отсутствия таких документов, Правительство должно убедительно доказать, почему рассматриваемые документы не могут служить подтверждением утверждений, выдвинутых заявителями. или предоставить удовлетворительное и убедительное объяснение того, как произошли рассматриваемые события. Таким образом, бремя доказывания переносится на правительство, и если оно не сможет доказать свои аргументы, возникнут вопросы по статье 2 и/или статье 3 (см. *Тоғсу против Турции*, № 27601/95, § 95, 31 мая 2005 г., и *Аккум и другие против Турции*, № 21894/93,-II).

133. Второй заявитель представила три показания очевидцев событий, а именно ее брата Я. и два соседа. Они называли лиц, совершивших убийства, военнослужащими или спецподразделениями, учитывая их русский язык, камуфляжную форму и каски, использование ими двух автомобилей УАЗ с антеннами, их способность беспрепятственно передвигаться в часы комендантского часа и их действия, которые были характерны для спецопераций, таких как проверка паспорта соседа семьи Д., который позже был обнаружен в доме первого заявителя. Они также утверждали, что военнослужащие на блокпостах, окружающих село, сообщили им, что там находилась группа со «специальным разрешением». Один из свидетелей сослался на капюшон на голове брата первого заявителя, аналогичный тем, которые использовались военными при задержании людей (см. пункты 37-46 и 49 выше). Свидетели отметили сходство и бесспорный стиль исполнения шести убийств. НПО «Мемориал», сообщившая об убийствах 26 мая 2003 г., также выдвинула аргумент о том, что они были совершены представителями государства (см. пункт 51 выше).

134. Суд отмечает в этой связи заявление властей Российской Федерации о некоторых документах, исследованных в ходе следствия, которые не подтверждают причастность военнослужащих или военной техники к операциям в Наурском районе 21 мая 2003 г. Однако это заявление не было подтверждено. Правительство не представило никаких копий этих документов и даже не раскрыло их содержание; их содержание также не может быть установлено из документов следственного дела, представленных в Суд. Суд хотел бы подчеркнуть в этой связи, что оценка доказательств и установление фактов является прерогативой Суда, и именно он должен принять решение о

доказательной силе представленных ему документов (см. *Турция*, нет. 27693/95, § 71, 31 мая 2005 г.). В настоящем деле он считает, что власти Российской Федерации не представили ключевых элементов расследования, которые могли бы пролить свет на обстоятельства убийства первой заявительницы и трех членов ее семьи.

135. В свете вышеизложенного Суд считает, что вторая заявительница представила prima facie версию о том, что ее родственники были казнены во внесудебном порядке представителями государства 21 мая 2003 г. Правительство не представило никакого другого объяснения событий. Заявление властей Российской Федерации о том, что следствие не нашло доказательств причастности спецподразделений к убийствам, недостаточно для того, чтобы освободить их от вышеупомянутого бремени доказывания. Суд также находит, что он может сделать выводы из поведения властей Российской Федерации в отношении документов расследования.

136. Таким образом, на основании вышеизложенного Европейский Суд заключает, что ответственность за смерть родственников второго заявителя может быть возложена на Государство.

В. Предполагаемое нарушение статьи 2 Конвенции

137. Второй заявитель утверждал о нарушении статьи 2 в связи с убийством первого заявителя и трех других членов ее семьи. Она также утверждала, что эффективного расследования убийства не проводилось. Статья 2 предусматривает:

«1. Право каждого на жизнь охраняется законом. Никто не может быть умышленно лишен жизни иначе как во время исполнения приговора суда по осуждению за преступление, за которое это наказание предусмотрено законом. ...»

1. Убийство родственников второго заявителя

138. Второй заявитель утверждал, что ее мать, отец, брат и дядя были убиты представителями государства в нарушение статьи 2 Конвенции.

139. Правительство отвергло это утверждение.

140. Статья 2, гарантирующая право на жизнь и определяющая обстоятельства, при которых лишение жизни может быть оправдано, считается одним из наиболее фундаментальных положений Конвенции, отступление от которого не допускается. Вместе со статьей 3 она закрепляет одну из основных ценностей демократических обществ, входящих в состав Совета Европы. Поэтому обстоятельства, при которых лишение жизни может быть оправдано, должны быть строго истолкованы. Объект и цель

Конвенции как инструмента защиты отдельных людей также требуют, чтобы статья 2 толковалась и применялась таким образом, чтобы сделать ее гарантии практичными и эффективными (см. «Макканн и другие против Соединенного Королевства», решение от 27 сентября). 1995, Серия А № 324, стр. 45-46, §§ 146-147).

141. Суд уже установил, что ответственность за смерть родственников второго заявителя может быть возложена на государство. В отсутствие какого-либо обоснования применения смертоносной силы представителями государства Суд считает, что имело место нарушение статьи 2 в отношении смерти Зуры Битиевой, Рамзана Идуева, Идриса Идуева и Абибакара Битиева.

2. Предполагаемая неадекватность расследования

142. Вторая заявительница утверждала, что расследование убийства ее матери, отца, брата и дяди не было эффективным.

143. Правительство оспорило это утверждение и заявило, что расследование проводилось в соответствии с требованиями Конвенции и национальным законодательством.

144. Суд повторяет, что обязательство защищать право на жизнь в соответствии со статьей 2 Конвенции, рассматриваемое в сочетании с общей обязанностью государства в соответствии со статьей 1 Конвенции «обеспечивать каждому, находящемуся под [его] юрисдикцией, права и свободы, определенные в [Конвенция]» подразумевает, что должна быть какая-то форма эффективного официального расследования, когда люди были убиты в результате применения силы. Суд ссылается на свою прецедентную практику в отношении объема этого обязательства (см. недавнее краткое изложение соответствующих принципов в деле *Estamirov and Others v.Россия*, нет. 60272/00, § 85-87, 12 октября 2006 г.).

145. В настоящем деле проводилось расследование убийства первой заявительницы и трех членов ее семьи. Суд должен оценить, соответствовало ли это расследование требованиям статьи 2 Конвенции.

146. Суд отмечает, что ввиду того, что Правительство не представило большую часть материалов уголовного дела или не раскрыло их содержание, его возможности делать выводы об адекватности расследования будут ограничены. Он уже отметил, что Правительство не представило ключевых элементов расследования (см. пункт 136 выше). В результате Европейскому суду неизвестны масштабы или даже даты проведения большинства следственных мероприятий. Суд находит, что и в этом случае он может сделать серьезные выводы из поведения государства-ответчика и предположить, что предоставленные ему материалы были отобраны

таким образом, чтобы в максимально возможной степени продемонстрировать эффективность рассматриваемого расследования.

147. Прежде всего Суд отмечает, что власти сразу же узнали об убийствах и что расследование было начато в день убийства. Представляется, что ряд важных мер, таких как осмотр места преступления и допрос некоторых свидетелей, были предприняты в один и тот же день. Представляется, что версия событий, предложенная вторым заявителем, привлекла внимание следственного органа, который в какой-то момент запросил информацию о спецоперациях, проводившихся в районе, и о местонахождении военнослужащих и транспортных средств в указанную дату. .

148. Несмотря на эти усилия, расследование смертей так и не было завершено, а виновные не были установлены или им были предъявлены обвинения. Хотя обязательство по статье 2 проводить эффективное расследование является обязательством не результатов, а средств (см. *Avşar против Турции*, № 25657/94, § 394, ECHR 2001VII (выдержки)), Суд с удивлением отмечает, что прокуроры Постановления, представленные Правительством, не показывают какого-либо видимого прогресса за два с половиной года в деле раскрытия убийств четырех членов семьи второго заявителя и двух других жителей деревни (см. пункты 57 и 78-79 выше). В постановлении прокурора от 9 декабря 2005 г. приводятся те же факты, что и в постановлении от 21 мая 2003 г. о возбуждении уголовного дела. Таким образом, похоже, что следствию не удалось установить количество лиц, совершивших убийства, использовали ли они какие-либо транспортные средства, последовательность их действий, маршруты, по которым они въезжали в село или покидали его, или тип оружия, которым они пользовались. использовал. В частности, похоже, что следствию не удалось установить какой-либо мотив убийства или дать объяснение тому, что произошло именно в ту ночь в Калиновской. Суд также отмечает, что второй заявитель просила признать ее потерпевшей в ноябре 2003 г., но решение по этому вопросу не было принято до 2005 г. (см. пункты 34 и 77 выше). Единственная информация, доведенная до сведения потерпевших, по-видимому, касалась решений о приостановлении и возобновлении расследования,

149. При таких обстоятельствах Суд считает, что государство-ответчик не выполнило своего обязательства по проведению эффективного, оперативного и тщательного расследования убийства первого заявителя и трех других родственников второго заявителя. Соответственно, в этом отношении также имело место нарушение статьи 2 Конвенции.

С. Предполагаемое нарушение статьи 3 Конвенции

150. Второй заявитель утверждала, что чувство страха, муки и страданий, которые она испытала в результате убийства четырех близких членов ее семьи, равнозначно обращению, противоречащему статье 3 Конвенции.

151. Правительство, помимо отрицания фактической основы утверждений заявителя, конкретно не рассматривало жалобу в соответствии со статьей 3 Конвенции.

152. В соответствии со статьей 3 Суд ранее установил, что вопросы могут возникнуть в отношении близких родственников лиц, которые «исчезли», если страдания и страдания, перенесенные заявителями, причинили им страдания, достаточные для того, чтобы действия властей можно было квалифицировать как бесчеловечное обращение по смыслу статьи 3. Является ли член семьи «исчезнувшего лица» жертвой обращения, противоречащего статье 3, будет зависеть от наличия особых факторов, которые придают страданию родственника особый характер и измерение. от эмоционального стресса, который можно считать неизбежно причиненным родственникам жертвы серьезных нарушений прав человека. Соответствующие элементы будут включать близость семейных уз, особые обстоятельства отношений, степень, в которой член семьи был свидетелем рассматриваемых событий, участие членов семьи в попытках получить информацию об исчезнувшем лице и то, как власти реагировали на эти запросы (см. *Orhan*, упомянутое выше, §§ 357 -360). В некоторых случаях Суд распространил применение статьи 3 на родственников убитых лиц, когда известию об их смерти предшествовал заметный период исчезновения, что повлекло за собой неуверенность, тоску и страдания, характерные для конкретного явления. об исчезновениях (см. *Luluyev and Others v.Россия*, нет. 69480/01, § 115, ЕСПЧ 2006 г.-...). Суд последовательно отказывался распространить действие статьи 3 на родственников лиц, которые были убиты властями в нарушение статьи 2, в отличие от родственников жертв насильственных исчезновений (см. 30949/96, § 135, 31 мая 2005 г.), или к случаям неоправданного применения смертоносной силы представителями государства (см. *Россия*, нет. 57947/00, 57948/00 и 57949/00, § 229, 24 февраля 2005 г.).

153. В соответствии с изложенной выше прецедентной практикой, хотя Суд не сомневается в том, что смерть членов ее семьи причинила второму заявителю глубокие страдания, он, тем не менее, не находит оснований для признания нарушения статьи 3 в данном контексте.

D. Предполагаемое нарушение статьи 13 в сочетании со статьей 2

154. Второй заявитель утверждала, что у нее не было эффективных средств правовой защиты в отношении вышеуказанных нарушений в нарушение статьи 13 Конвенции, которая предусматривает:

«Каждый, чьи права и свободы, изложенные в [Конвенции], нарушены, должен иметь эффективное средство правовой защиты перед национальным органом власти, несмотря на то, что нарушение было совершено лицами, действующими в официальном качестве».

155. Правительство не согласилось и сослалось на продолжающееся уголовное расследование убийств.

156. Суд повторяет, что статья 13 Конвенции гарантирует наличие на национальном уровне средств правовой защиты для обеспечения соблюдения прав и свобод, предусмотренных Конвенцией, в любой форме, в которой они могут быть обеспечены в национальном правовом порядке. Учитывая фундаментальное значение права на защиту жизни, статья 13 требует, в дополнение к выплате компенсации в соответствующих случаях, тщательного и эффективного расследования, способного привести к установлению и наказанию лиц, ответственных за лишение жизни и причинение вреда здоровью. обращение, противоречащее статье 3, включая эффективный доступ заявителя к процедуре расследования, ведущей к установлению и наказанию виновных (см. Ангелова против Болгарии, № 38361/97, §§ 161-162, ECHR 2002-IV, и Сухейла Айдын против Турции, №. 25660/94, § 208, 24 мая 2005 г.). Далее Суд повторяет, что требования статьи 13 шире, чем обязательство Договаривающегося государства по статье 2 провести эффективное расследование (см. *Россия*, нет. 57942/00 и 57945/00, § 183, 24 февраля 2005 г.).

157. Принимая во внимание выводы Суда, приведенные выше в отношении статьи 2, эти жалобы явно «доказуемы» для целей статьи 13 (см. Бойл и Райс против Соединенного Королевства, решение от 27 апреля 1988 г., серия А, т. 131, стр. 23, § 52). Соответственно, вторая заявительница должна была иметь возможность воспользоваться эффективными и практическими средствами правовой защиты, способными привести к установлению и наказанию виновных и присуждению компенсации для целей статьи 13.

158. Из этого следует, что в обстоятельствах, когда, как в данном случае, уголовное расследование смерти было неэффективным (см. пункты 144-151 выше) и, следовательно, была подорвана эффективность любых других средств правовой защиты, которые могли существовать, включая гражданско-правовые средства правовой защиты, государство не в своем обязательстве по статье 13 Конвенции.

159. Следовательно, имело место нарушение статьи 13 в совокупности со статьей 2 Конвенции.

Е. Предполагаемое невыполнение обязательств по статье 34 Конвенции

160. Второй заявитель утверждал о нарушении Россией обязательства Российской Федерации в соответствии со статьей 34, которая предусматривает:

«Суд может принимать заявления от любого лица,... утверждающего, что оно является жертвой нарушения одной из Высоких Договаривающихся Сторон прав, изложенных в Конвенции или Протоколах к ней. Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются никоим образом не препятствовать эффективному осуществлению этого права».

161. Второй заявитель утверждал, что Россия нарушила свои обязательства по статье 34 Конвенции не препятствовать осуществлению права на подачу индивидуальной жалобы, убив первую заявительницу в отместку за то, что она подала жалобу в Страсбург, запугав саму вторую заявительницу и допросив ее. о деталях ее жалобы в суд, несмотря на ее уязвимое положение. Она утверждала, что получение от нее «объяснений» и постановка вопросов по ее жалобе в Суд не преследовали отдельной цели в рамках уголовного производства, касающегося расследования ее жалоб на домогательства.

162. Правительство отвергло эти утверждения.

163. Суд напоминает, что для эффективного функционирования системы подачи индивидуальных жалоб, установленной статьей 34, крайне важно, чтобы заявители имели возможность свободно общаться с Судом, не подвергаясь давлению со стороны властей в какой-либо форме с целью отзыва или изменения их жалобы. В этом контексте «давление» включает не только прямое принуждение и вопиющие акты запугивания, но также и другие неправомерные косвенные действия или контакты, направленные на то, чтобы отговорить заявителей или воспрепятствовать им в использовании средств правовой защиты, предусмотренных Конвенцией. Вопрос о том, являются ли контакты между властями и заявителем неприемлемой практикой с точки зрения статьи 34, должен решаться в свете конкретных обстоятельств дела. решение от 25 сентября 1997 г., Отчеты о судебных решениях и решениях 1997-VI, стр. 1899-1900, §§ 115-117; и Салман против Турции [БП], нет. 21986/93, § 130, ECHR 2000VII). решение от 25 сентября 1997 г., Отчеты о судебных решениях и решениях 1997-VI, стр. 1899-1900, §§ 115-117; и Салман против Турции [БП], нет. 21986/93, § 130, ECHR 2000VII).

164. Что касается первого элемента жалобы, Суд считает, что нет прямых доказательств в поддержку утверждения второй заявительницы о том, что убийства первой заявительницы и членов ее семьи были связаны с ее жалобой в Суд. Нарушение статьи 34 не может быть установлено на основе простого предположения. Однако Суд признает, что жестокое и нераскрытое убийство первой заявительницы после того, как она подала жалобу в Страсбург утверждения о серьезных нарушениях прав человека со стороны представителей государства неизбежно оказали бы «сдерживающий эффект» на других нынешних и потенциальных заявителей в Суд, особенно на жителей Чечни. Он может только выразить свое глубочайшее сожаление и разочарование в связи с тем, что не было проведено эффективного расследования, которое могло бы пролить свет на обстоятельства убийства первого заявителя (см. пункты 144-151 выше). Однако он не считает, что ему следует делать отдельный вывод о нарушении государством-ответчиком обязательств по статье 34 в этом отношении, поскольку он уже установил двойное нарушение статьи 2 и статьи 13.

165. Что касается утверждений второго заявителя об угрозах, сделанных в мае 2004 г., представляется, что после того, как эта информация была сообщена правительству, власти предприняли шаги для расследования инцидента и успокоения второго заявителя. Из документов, представленных Правительством (см. пункты 81-83 выше), Суд не может сделать вывод о том, что инцидент, на который ссылалась первая заявительница, имел какое-либо отношение к жалобам, которые она подавала ему. Представляется, что инцидент произошел в рамках проверки безопасности, проведенной в селе, и не вызывает каких-либо отдельных вопросов по статье 34.

166. Поскольку второй заявитель жалуется на вопросы, заданные ей в июле и сентябре 2004 г., из протоколов следует, что допросы касались главным образом обязанности прокурора по сбору информации о жалобах заявителя для целей его собственного расследования. Вопросы о ее жалобе в Суд не были центральными, и вторую заявительницу не просили, например, удостоверить подлинность ее жалоб или подробно рассказать об их содержании (см., напротив, *Dulaş v. Turkey*, no. 25801/94, § 81, 30 января 2001 г.). Из показаний заявительницы следует, что любые контакты с правоохранительными органами она считает опасными. Это можно понять, принимая во внимание личный опыт второго заявителя и общую ситуацию с безопасностью в Чечне, но оставляет государственные органы без надлежащего обращения за помощью, если они хотят расследовать жалобы и обеспечить защиту от предполагаемых угроз. Короче говоря, Суд не удовлетворен тем, что допрос второй заявительницы в июле и сентябре 2004 г. представлял

собой неправомерное вмешательство в ее право на подачу жалобы в Суд.

167. Таким образом, у Суда нет достаточных материалов, чтобы сделать вывод о том, что государство-ответчик нарушило свои обязательства по статье 34, оказав неправомерное давление на вторую заявительницу, чтобы отговорить ее от подачи жалобы в Суд.

IV. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

168. Статья 41 Конвенции предусматривает:

«Если Суд установит, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, и если внутреннее право заинтересованной Высокой Договаривающейся Стороны допускает лишь частичное возмещение, Суд, в случае необходимости, предоставляет справедливое удовлетворение пострадавшая сторона».

А. Ущерб

169. Заявители не предъявляли требований о возмещении материального ущерба. Что касается морального вреда, второй заявитель просила Суд присудить ей компенсацию за нарушения, установленные в отношении первого заявителя, ее матери. Она предоставила суду определить размер этой компенсации. Что касается компенсации морального вреда, причиненного второму заявителю, она подчеркнула, что потеряла трех ближайших родственников и дядю, что вызвало у нее глубокие чувства страданий, страдания и беспокойства. Она потребовала 75 000 евро в отношении себя.

170. Правительство сочло заявленную сумму чрезмерной.

171. В отношении требований, поданных вторым заявителем от имени первого заявителя, Суд установил, что близкие наследники заявителя могут потребовать компенсацию морального вреда (см., в частности, *Ernestina Zullo против Италии* [БП], № 64897/01, § 149, 29 марта 2006 г.). Суд установил два серьезных нарушения статей 3 и 5 в отношении первого заявителя и полагает, что страдания и мучения, причиненные в связи с этими нарушениями, не могут быть адекватно компенсированы простым установлением факта нарушения. Соответственно, производя оценку на справедливой основе, Суд присуждает 10 000 евро по этому пункту плюс любые налоги, которые могут взиматься с этой суммы.

172. Что касается иска второго заявителя, Суд отмечает, что он установил нарушение статей 2 и 13 Конвенции в связи с незаконным убийством четырех членов семьи второго заявителя, непроведением расследования убийств и отсутствием эффективных средств защиты. Суд признает, что ей был причинен моральный вред, который не

может быть компенсирован исключительно установлением нарушений. Он присуждает второму заявителю 75 000 евро, как заявлено, плюс любые налоги, которые могут взиматься с этой суммы.

Б. Затраты и расходы

173. Интересы заявителя представляли адвокаты НПО EHRAC/Правозащитного центра «Мемориал». Она утверждала, что представители понесли следующие расходы:

(a) 1250 евро за 50 часов исследований в Чечне и Ингушетии по тарифу 25 евро в час;

(b) 1 200 евро на путевые расходы полевых работников;

(c) 2000 евро за 40 часов составления юридических документов, представляемых в Суд и национальным властям, по ставке 50 евро в час юристами в Москве;

(d) 1 200 фунтов стерлингов (GBP) за 12 часов юридической работы юриста из Соединенного Королевства по ставке 100 фунтов стерлингов в час;

(e) 2 976 российских рублей (RUR) на почтовые расходы, что подтверждается счетом-фактурой;

(f) 684,90 фунтов стерлингов за расходы на перевод, подтвержденные счетами-фактурами; и

(g) 370 фунтов стерлингов на административные расходы.

174. Правительство оспаривало разумность и обоснованность сумм, требуемых по данному разделу. В частности, они выразили сомнение в необходимости пяти юристов, в том числе одного иностранного специалиста. Они также возражали против просьбы представителей перевести вознаграждение за юридическое представительство непосредственно на их счет в Великобритании.

175. Суд должен установить, во-первых, действительно ли были понесены издержки и расходы, указанные заявителем, и, во-вторых, были ли они необходимы (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу "Макканн и другие против Соединенного Королевства", стр. 63, § 220).

176. Суд отмечает, что интересы первого, а впоследствии и второго заявителя представляли адвокаты EHRAC/Мемориал с самого начала разбирательства в нем. Он удовлетворен тем, что указанные выше ставки были разумными и отражали расходы, фактически понесенные представителями заявителя.

177. Кроме того, необходимо установить, были ли расходы и затраты, понесенные заявителем на юридическое представительство, необходимыми. Суд отмечает, что дело было довольно сложным, включало значительное количество фактических и документальных доказательств и требовало большого объема исследований и

подготовки. Что касается присутствия иностранного адвоката среди представителей заявителей, поскольку заявители могут выбирать юридических представителей по своему выбору, их обращение к адвокату из Соединенного Королевства, специализирующемуся на международной защите прав человека, не может быть подвергнуто критике (см. Турция, постановление от 2 сентября 1998 г., Reports 1998VI, стр. 2445, § 127). Более того, *Болгария* [ГК], №№. 43577/98 и 43579/98, § 175, ЕСПЧ 2005 г.-VII; и *Имакаева против России*, нет. 7615/02, ЕСПЧ 2006 г.-...).

178. При таких обстоятельствах и с учетом деталей исковых требований, представленных вторым заявителем, Суд присуждает следующие суммы, заявленные по данному пункту: 4 450 евро, 2 255 фунтов стерлингов и 2 976 рублей без учета налога на добавленную стоимость, который может быть взимается, чистая сумма вознаграждения должна быть выплачена в фунтах стерлингов на банковский счет представителей в Юнайтед Королевство, как указано заявителем.

С. Проценты за неуплату

179. Суд считает целесообразным, чтобы проценты по умолчанию основывались на предельной кредитной ставке Европейского центрального банка, к которой следует добавить три процентных пункта.

ПО ЭТИМ ПРИЧИНАМ СУД

1. Единогласно отклоняет предварительное возражение Правительства;
2. Постановил единогласно, что вторая заявительница, как наследница первой заявительницы, имеет право продолжать настоящее разбирательство вместо нее;
3. Постановил единогласно, что имело место несоблюдение статьи 38 § 1 (a) Конвенции;
4. Постановил единогласно, что имело место нарушение статьи 3 Конвенции в отношении первого заявителя;

5. Постановил шестью голосами против одного, что не возникает отдельных вопросов в соответствии со статьей 3 Конвенции в отношении расследования утверждений о жестоком обращении со стороны первого заявителя;
6. Постановил единогласно, что имело место нарушение статьи 5 Конвенции в отношении первого заявителя;
7. Постановил единогласно, что имело место нарушение статьи 2 Конвенции в отношении убийства четырех членов семьи второго заявителя;
8. Единогласно постановил, что имело место нарушение статьи 2 Конвенции в отношении непроведения эффективного расследования обстоятельств гибели Зуры Битиевой, Рамзана Идуева, Идриса Идуева и Абибакара Битиева;
9. Постановил пятью голосами против двух, что нарушения статьи 3 Конвенции в отношении второго заявителя не было;
10. Постановил единогласно, что имело место нарушение статьи 13 Конвенции в отношении предполагаемых нарушений статьи 2 Конвенции;
11. Постановил единогласно, что не было нарушения обязательства не препятствовать осуществлению права на подачу индивидуальной жалобы в соответствии со статьей 34 Конвенции;
12. Принимает единогласно
 - (а) что государство-ответчик должно выплатить второму заявителю в течение трех месяцев с даты, когда решение станет окончательным в соответствии со статьей 44 § 2 Конвенции, следующие суммы:
 - (i) 10 000 евро (десять тысяч евро) в качестве компенсации морального вреда, причиненного первому заявителю;
 - (ii) 75 000 евро (семьдесят пять тысяч евро) в качестве компенсации морального вреда, причиненного второму заявителю;
 - (iii) 4 450 евро (четыре тысячи четыреста пятьдесят евро), 2 255 фунтов стерлингов (две тысячи двести пятьдесят пять фунтов стерлингов) и 2 976 рублей (две тысячи девятьсот семьдесят шесть российских рублей), чистая сумма вознаграждения составит конвертируется в фунты стерлингов по курсу,

действующему на дату расчета, для перечисления на банковский счет представителей в Соединенном Королевстве;
(iv) любые налоги, которые могут взиматься с вышеуказанных сумм;

(b) что с истечения вышеупомянутых трех месяцев до выплаты простых процентов на вышеуказанные суммы должны выплачиваться по ставке, равной предельной кредитной ставке Европейского центрального банка в течение периода просрочки плюс три процентных пункта.

Совершено на английском языке и уведомлено в письменной форме 21 июня 2007 г. в соответствии с пунктами 2 и 3 правила 77 Регламента Суда.

Сорен Нильсен
Регистратор

Христос Розакис
президент

В соответствии со статьей 45 § 2 Конвенции и правилом 74 § 2 Регламента Суда особые мнения г-на Л. Лукайдеса и г-на Д. Шпильмана приложены к настоящему решению.

CLR
серийный номер

ЧАСТИЧНО ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЬИ ЛУКАИДЕСА

Я не разделяю подход большинства в отношении жалобы второй заявительницы на нарушение статьи 3 Конвенции в ее деле. Я согласен с частично особым мнением судьи Шпильмана в отношении этого аспекта дела. Я хотел бы подчеркнуть, что убийство матери второго заявителя было совершено при таких обстоятельствах, что оно представлялось особенно жестоким. Я бы пошел дальше и сказал, что считаю, что убийство чьей-то матери, как в данном случае, само по себе должно считаться достаточным для того, чтобы дело подпадало под действие статьи 3 Конвенции. Убийцы прекрасно знают, что когда они совершают убийство, их действия причиняют сильную боль, страдание и чувство незащищенности - в любом случае для ближайших родственников жертвы - до такой степени, что достигает порога обращения, противоречащего статье 3 Конвенции. И объективное рассмотрение такой ситуации привело бы к признанию этого эффекта.

Подобно судье Шпильманн, я хотел бы добавить, что считаю «несколько искусственным ограничение признания нарушения статьи 3 Конвенции делами об «исчезнувших лицах»». Я считаю, что действительно важны фактические последствия деяния, будь то исчезновение человека или убийство, которые должны быть объективно решены на основании фактов каждого конкретного случая, а не формальная классификация или наименование ситуации. жалобы (например, «исчезнувшие лица»)

Таким образом, я считаю, что имело место нарушение статьи 3 Конвенции в отношении второго заявителя.

ЧАСТИЧНО ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЬИ ШПИЛЬМАНА

(Перевод)

1. Не могу разделить мнение большинства по пунктам 5 и 9 постановляющей части.

2. В отношении пункта 5 постановляющей части большинство решило, что не возникает отдельных вопросов по статье 3 Конвенции в отношении расследования утверждений первого заявителя о жестоком обращении (I).

3. В отношении пункта 9 постановляющей части большинство решило, что нарушения статьи 3 Конвенции в отношении второго заявителя (II) не было.

Я.

4. Что касается вопроса о том, возникали ли какие-либо отдельные вопросы в соответствии со статьей 3 Конвенции в отношении расследования утверждений первого заявителя о жестоком обращении, я хочу указать, что мнения сторон относительно необходимости такого расследования. Первый заявитель утверждал, что власти были хорошо осведомлены о плохих условиях содержания и широко распространенном жестоком обращении и что они должны были принять упреждающие меры для проведения расследования. Правительство, однако, подчеркнуло тот факт, что первая заявительница не жаловалась на жестокое обращение после ее освобождения и что прокуратура в 2005 году не получила никакой дополнительной информации, требующей проведения уголовного расследования (см. пункт 108 постановления).

5. Этот вопрос, касающийся отсутствия расследования, по моему мнению, должен был быть рассмотрен отдельно в свете устоявшейся прецедентной практики Суда о принципиальной важности процессуальных обязательств, вытекающих из защиты прав, не допускающих отступлений.

6. Придя к выводу, что в рассмотрении этого вопроса нет необходимости, Суд основывал свои доводы на том факте, что он уже установил существенное нарушение статьи 3 Конвенции (см. пункт 109 постановления). Однако я придерживаюсь мнения, что наблюдаемое существенное нарушение не может исчерпывать вопрос об ответственности властей в отношении абсолютного запрета любого

обращения, противоречащего статье 3 Конвенции. Соответственно, вопрос об отсутствии расследования требовал отдельного рассмотрения.

II.

7. Второй заявитель утверждала, что чувства страха, муки и страдания, которые она испытала в результате убийства четырех близких членов ее семьи, были равносильны обращению, противоречащему статье 3 Конвенции.

8. Из прецедентной практики Суда следует, что этот вопрос больше всего рассматривался в контексте дел о «насильственных исчезновениях» и что вопрос о том, является ли член семьи такой жертвой, будет зависеть от наличия особых факторов, которые дают страдания заявителя по размеру и характеру отличаются от эмоционального стресса, который можно рассматривать как неизбежно причиненный родственникам жертвы серьезного нарушения прав человека (см., среди многих других источников, *Çakıcı v.Турция*[ГК], нет. 23657/94, § 98, ECHR 1999IV и *Gezici v.Турция*, нет. 34594/97, § 73, 17 марта 2005 г.).

9. Анализируя вопрос о страданиях заявителя, Суд указал (в пункте 152 постановления) на ряд факторов, которые имели значение в контексте дел об «исчезнувших лицах», но, тем не менее, отказался расширить применение эти факторы и, следовательно, статья 3 относится к родственникам лиц, убитых властями, в отличие от родственников жертв насильственных исчезновений (*Yasin Ateş v.Турция*, нет. 30949/96, § 135, 31 мая 2005 г.).

10. Следует признать, что речь не идет об «исчезнувших лицах». Тем не менее, дело, тем не менее, является серьезным, и, на мой взгляд, порог серьезности, необходимый для целей статьи 3, был достигнут.

11. Соответственно, в свете особой серьезности дела я не убежден, что в этом деле нет никаких особых факторов, которые придают страданию второго заявителя измерение и характер, отличные от эмоционального страдания, которое неизбежно причиняется родственники жертвы серьезного нарушения прав человека. Я нахожу несколько искусственным, что установление факта нарушения статьи 3 Конвенции ограничивается случаями «исчезнувших лиц». Кроме того, я отмечаю, что некоторые из факторов, упомянутых в пункте 152 постановления, если бы они были применены к фактам настоящего дела, имели бы особое значение. Таким образом, среди соответствующих факторов

12. В заключение я считаю, что имело место нарушение статьи 3 Конвенции в отношении второго заявителя.